

Артур Конан Дойл

Приключение с ногой дьявола

*Часть сборника
Самые знаменитые
расследования Шерлока
Холмса*

Артур Конан Дойл

Приключение с ногой дьявола

«ЭКСМО»

1910

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

Дойл А.

Приключение с ногой дьявола / А. Дойл — «Эксмо», 1910

«Запечатлевая время от времени кое-какие любопытные случаи и интересные воспоминания, касающиеся моей долгой и тесной дружбы с мистером Шерлоком Холмсом, я постоянно сталкиваюсь с трудностями из-за его отвращения к газетной шумихе. Его мрачный и саркастичный дух всегда чурался всеобщей хвалы, и после успешного завершения дела его особенно забавляло предоставить разоблачение преступника какому-нибудь официальному блюстителю закона и с насмешливой улыбкой следить за восторженными поздравлениями не по тому адресу...»

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

© Дойл А., 1910
© Эксмо, 1910

Артур Конан Дойл

Приключение с ногой дьявола

Запечатлевая время от времени кое-какие любопытные случаи и интересные воспоминания, касающиеся моей долгой и тесной дружбы с мистером Шерлоком Холмсом, я постоянно сталкиваюсь с трудностями из-за его отвращения к газетной шумихе. Его мрачный и саркастичный дух всегда чурался всеобщей хвалы, и после успешного завершения дела его особенно забавляло предоставить разоблачение преступника какому-нибудь официальному блюстителю закона и с насмешливой улыбкой следить за восторженными поздравлениями не по тому адресу.

Именно эта позиция моего друга, а вовсе не отсутствие интересного материала, вынуждала меня в последние годы предлагать вниманию публики лишь самую скучную часть моих воспоминаний. Мое участие в некоторых его приключениях было привилегией, обязывавшей меня к сдержанности и тактичности.

И потому я был крайне удивлен, получив в прошлый четверг телеграмму от Холмса – он никогда не писал письма, если можно было обойтись телеграммой следующего содержания:

«Почему бы не рассказать им про «Корнуэльский ужас», самое странное из моих дел?»

Я понятия не имею, какой спазм памяти заново обратил его мысли к этому делу и какой каприз заставил его пожелать, чтобы я о нем поведал, но до того, как может прийти новая воспрещающая телеграмма, я спешу отыскать заметки, которые обеспечат точность деталей этого дела, чтобы незамедлительно предложить моим читателям рассказ о нем.

Итак, весной 1897 года железный организм Холмса словно бы надломился из-за непрерывной напряженной работы, забиравшей все его силы, а также, возможно, из-за некоторых уступок кое-каким его слабостям. В марте того года доктор Мур Эйгар с Гарвей-стрит, о чьем драматичном знакомстве с Холмсом я, быть может, расскажу в другой раз, категорически потребовал, чтобы знаменитый частный детектив, отложив свои розыски, обрек себя на полный покой и отдых, если он хочет избежать окончательного нервного расстройства. Состояние его здоровья никогда Холмса не заботило, так как умственная деятельность была для него абсолютной, однако под угрозой навсегда лишиться работоспособности он согласился полностью переменить обстановку. Вот почему в начале весны того года мы оказались в маленьком коттедже вблизи бухты Полди на самой оконечности Корнуэльского полуострова.

Это необычное место удивительно отвечало гнетущей мрачности моего пациента. Из окон нашего беленого домика наверху заросшего травой мыса нам открывался вид на весь зловещий полукруг Маунтс-Бэй, в старину смертельной ловушки для парусных судов, обрамленной черными обрывами над рифами в кипящих бурунах, где нашло свой конец несчетное количество моряков. При северном ветре бухта выглядит маняще тихой и укрытой, завлекая гонимый бурей кораблик свернуть в нее для отдыха и защиты.

И тут – перемена направления ветра, ураган с юго-запада, сорванный якорь, подветренный берег и последний бой в клокочущей пене бурунов. Опытный моряк обходит далеко стороной это гиблое место.

Со стороны суши окрестности выглядели не менее угрюмо, чем море. Это край вересковых холмов, пустынный, бурых оттенков, и лишь редкие колокольни кое-где указывают местоположение патриархальных деревушек. Повсюду верески хранят следы давно исчезнувшего племени, которое кануло в небытие, оставив в качестве единственной своей летописи странные каменные сооружения, прихотливые насыпи, укрывающие пепел мертвецов, и еще любопытнейшие земляные валы, наводящие на мысль о доисторических неурядицах. Магическая таинственность этих мест, зловещие отголоски забытых народов дразнили воображение моего друга, и большую часть времени он проводил в одиноких прогулках по верескам, предаваясь

размышлениям. Древний корнуэльский язык также занимал его внимание, и, помню, он пришел к выводу, что язык этот родственен халдейскому и был, по сути, заимствован у финикийских торговцев, приплывавших за оловом. Он выписал ряд филологических томов и занялся развитием этой идеи, как вдруг, к моему огорчению и его нескрываемому восторгу, мы, даже в этом приюте грез, оказались у самого нашего порога втянутыми в решение проблемы более острой, более интригующей и, несомненно, куда более таинственной, чем любая из тех, что понудили нас покинуть Лондон. Наша простая жизнь и мирный здоровый распорядок дня были беспощадно нарушены, и мы оказались ввергнуты в самую гущу череды событий, которые взбудоражили не только Корнуэлл, но и всю Западную Англию. Многие мои читатели, быть может, сохранили воспоминания о том, что тогда называли «Корнуэльским ужасом», хотя сведения, публиковавшиеся лондонской прессой, оставляли желать много лучшего. Теперь, тринадцать лет спустя, я сообщу публике истинные подробности этого невообразимого дела.

Я уже упомянул, что высившиеся там и сям колокольни указывали местоположение деревень, разбросанных в этой части Корнуэлла. Ближайшей из них была Треданник-Уоллес, где коттеджи двухсот ее обитателей лепились вокруг древней замшелой церкви. Приходской священник, мистер Раундхэй, был чем-то вроде археолога-любителя, и по этой причине Холмс свел с ним знакомство. Он был человеком в годах, дородным, благодушным и обладал большим запасом местного фольклора. Он пригласил нас на чай, и так мы познакомились еще и с мистером Мортимером Тридженнисом, состоятельным джентльменом, который пополнил скудный доход священника, сняв комнаты в его обширном доме довольно нелепой планировки. Священник, холостяк, был очень доволен таким положением вещей, хотя у него было очень мало общего с его жильцом, худым, смуглым, в очках и настолько сгорбленным, что сутулость эта смахивала на горб. Помнится, во время нашего краткого визита священник говорил почти не умолкая, но его жилец выглядел странно замкнутым в себе, угнетенным. Он сидел отведя глаза, будто тоскливо раздумывал о собственных делах.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.